

УДК 398.33

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДНОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ В КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКАХ СЕДЕЛЬНИКОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.И. ИСМАГИЛОВА¹, Н.В. ЛЕОНОВА²

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Новосибирск, Российская Федерация

² Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, 630099, Новосибирск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена характеристике проявлений народной и православной традиций в микро-локальной календарной традиции Седельниковского района Омской области. Опираясь на аудиозаписи 2009 года, авторы рассматривают святочный, великопостный, пасхальный, троицкий комплексы, календарно приуроченные поминальные дни и дни памяти особо чтимых святых, ритуал моления о дожде во время летней засухи. Приводятся образцы календарного фольклора и православные песнопения, бытующие в народно-песенной среде, а также информация об этнографическом контексте их исполнения, содержащаяся в устных рассказах носителей традиции. На основе этих материалов сформулирован вывод об органичном сосуществовании в календарной системе Седельниковского района элементов из разных мировоззренческих и культурных традиций, народной и христианской. В ряде случаев христианское наполнение праздника или обряда присутствует более ярко и очевидно (Рождество, Пасха, молебны от засухи), благодаря исполнению в эти дни или моменты церковных песнопений. В другие праздники или памятные даты преобладает чисто народное понимание отмечаемого события (Троица, Сороки, родительские дни). В составе действий, предметных реалий того или иного праздника не особенно ярко проявляется этническая принадлежность информантов – белорусов и русских. В святочном цикле праздничной доминантой стало Рождество, когда наряду с тропарем поются не только колядки, но и щедровки. Единообразен состав основных православных песнопений: все исполнительницы знают рождественский и пасхальный тропари, в то время как календарные песни Рождества и Пасхи воспроизводятся не всеми информантами. Музыкальный облик православных песнопений, бытующих в фольклорной традиции, за редкими исключениями, максимально приближен к каноническим церковным образцам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народный календарь, фольклор сибирских переселенцев, фольклор в XX веке, православные песнопения в фольклорной традиции, народное православие.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

FOLK AND CHRISTIAN ELEMENTS IN THE CALENDAR HOLIDAYS OF THE SEDELNIKOVSKY DISTRICT OF THE OMSK REGION

E.I. ISMAGILOVA¹, N.V. LEONOVA²

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 630090, Novosibirsk, Russian Federation

² Glinka Novosibirsk State Conservatoire, 630099, Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT. The article is devoted to the characteristics of manifestations of folk and Orthodox traditions in the micro-local calendar tradition of the Sedelnikovskiy district of the Omsk region. Based on audio recordings from 2009, the authors consider the Christmastide, Lent, Easter, Trinity complexes, calendar-timed memorial days and days of memory of especially revered saints, the ritual of praying for rain during the summer drought. Examples of calendar folklore and Orthodox chants that exist in the folk song environment are given, as well as information about the ethnographic context of the performance of these works, contained in the oral stories of the bearers of the tradition. Based on these materials, a conclusion is formulated about the organic coexistence of elements from different ideological and cultural traditions, folk and Christian, in the calendar system of the Sedelnikovskiy district. In some cases, the Christian content of a holiday or ritual is more vivid and obvious (Christmas, Easter, prayers against drought), due to the performance of church hymns on these days or at these moments. On other holidays or memorable dates, a purely folk understanding of the celebrated event prevails (Trinity, Soroki, parental days). In the composition of the actions, objective realities of a particular holiday, the ethnic affiliation of the informants – Belarusians and Russians – is not particularly clearly manifested. In the Christmastide cycle, Christmas has become the festive dominant, when along with the troparion, not only carols are sung, but also shchedrovki. The composition of the main Orthodox hymns is uniform: all performers know the Christmas and Easter troparia, while folk songs of Christmas and Easter are not reproduced by all bearers of the tradition. The musical appearance of Orthodox hymns, existing in the folk tradition, with rare exceptions, is as close as possible to canonical church models.

KEYWORDS: folk calendar, folklore of Siberian settlers, folklore in the twentieth century, folklorized Orthodox chants, Orthodoxy and folklore.

CONFLICT OF INTERESTS. The authors declare the absence of conflict of interests.

Сфера календарных праздников и памятных дат является ярчайшим примером сосуществования и взаимодействия элементов, относящихся к двум разным идеологическим платформам – народным верованиям, корни которых уходят в язычество, и христианства, в данном случае православия. О значимости православия для народного календаря ёмко и убедительно сказано С.М. Толстой – выдающимся отечественным специалистом в области славянской этнолингвистики и фольклористики: «Наиболее зависимой от христианства областью культурного пространства оказался народный календарь, воспринявший христианскую систему праздников и будней, постов и мясоедов в качестве структурной основы всего обрядового годового цикла» [12, с. 112].

На протяжении большей части XX века, согласно советской атеистической идеологии, тема проявлений христианского начала в народной культуре почти не рассматривалась. Целенаправленное изучение православия в народной жизни началось в конце 1980-х годов; не прекращается оно и вплоть до настоящего времени. За прошедшие более чем три десятилетия в этом направлении сделано достаточно много. Среди наиболее крупных исследователей в данной области назовем этнографов и фольклористов Т.А. Бернштам, М.М. Громыко, А.Н. Розова, С.М. Толстую и др.¹ Активно разрабатывается тема включения православных песнопений в народные календарные праздники, описан процесс их фольклоризации – этот ракурс отражен в работах этномузыкологов М.А. Енговатовой, С.В. Подрезовой, И.Б. Тепловой, С.А. Латышевой, Н.Ю. Горяниной, Т.С. Молчановой, Е.А. Черновой, авторов научных статей в первом и втором томах «Смоленского музыкально-этнографического сборника» О.А. Пашиной, Е.А. Дороховой, И.А. Никитиной.² Из недавно опубликованных исследований

по заявленной проблематике укажем на книгу С.В. Подрезовой «Кричать Христа» [11] и монографию одного из авторов настоящей статьи [6]. Однако, даже принимая во внимание перечисленные публикации, эту тему нельзя считать исчерпанной в силу локальной природы изучаемого явления. При наличии общих закономерностей, в каждой конкретной традиции, сформировавшейся в рамках одного района или куста поселений, собственно народное и христианское начала могут проявляться в неодинаковом соотношении, с различной спецификой и своими местными особенностями. Поэтому, на наш взгляд обозначенная тема всегда актуальна и практически неисчерпаема, поскольку может рассматриваться под разными углами зрения и в опоре на новые материалы.

Цель предлагаемой статьи заключается в характеристике народных и православных элементов в календарной микролокальной традиции, сформировавшейся в нескольких населённых пунктах Омской области. В задачи исследования входит рассмотрение отдельных календарных периодов (святочного, великопостного, пасхального, троицкого), календарно приуроченных поминальных дней, дней памяти наиболее почитаемых святых, а также ритуал моления о дожде во время летней засухи. Вводится в научный оборот неизвестная ранее информация из аудиозаписей, выполненных авторами данной работы в 2009 году в населённых пунктах Седельниковского района Омской области (Кейзес, Соловьевка, Рагозино, Короленка)³. Среди них – образцы календарного фольклора и православные песнопения, бытующие в народно-песенной среде, а также сведения об этнографическом контексте их исполнения, содержащиеся в устных рассказах носителей традиции.

Необходимо отметить, что народная культура Седельниковского района, этого заповедного и привлекательного для фольклористов и этногра-

¹ Обзор работ, посвящённых народному православию и его проявлений в музыкальном фольклоре, см. в [3; 4].

² Анализ работ о фольклоризованных песнопениях содержится в [4; 6].

³ Материалы этой экспедиции хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, коллекции А0241, А0242.

фов уголка на севере Омской области с 1970-х гг. и, особенно, в последние два десятилетия весьма активно исследуется многими специалистами. Достаточно основательно изучены прозаические жанры, в частности – сказки, а также традиция исполнения похоронных плачей, вплоть до настоящего времени сохранившаяся среди потомков белорусских переселенцев [8; 9]. Существует целый ряд статей, содержащих итоги полевой работы в данном районе, описание отдельных жанров и певческих репертуаров наиболее выдающихся исполнителей [1; 2; 5; 7; 10]. Появление настоящей статьи продиктовано стремлением осмыслить эту традицию под несколько иным углом зрения, обозначенным выше, – как на целостное единство различных по происхождению элементов, из которых складывается народный календарь.

Рассматриваемая нами микролокальная традиция Седельниковского района историко-культурно и этнически неоднородна. Преимущественно она состоит из новопоселенцев – потомков приехавших в Сибирь белорусов и украинцев (д. Соловьевка, Кейзес, Короленка), но по соседству с ними в селе Рагозино, проживают и русские старожилы. По всей вероятности, жители данного куста деревень были объединены одним приходом, сформировавшимся вокруг церкви в Рагозино.⁴ Об этом свидетельствует информация, содержащаяся в устных высказываниях уроженцев села и окрестных, ныне уже несуществующих деревень (Щелкановка, Петропавловка и др.):

Мы все ходили церкву, в Рагозино. Престольный был Серафим (Морозова Е.А.⁵).

У нас в Рагозино церковь Серафима Саровского. Ещё в советское время молились. А потом кресты сняли (Бахарева Н.И.).

Там у нас люди были верующие. Церкви в Петропавловке не было. Саратовка, Соловьевка, Щелкан[ов]ка, Неждановка, Спасск, все суды ходили [в храм в Рагозино] (Балашенко Н.З.).

⁴ Храм и приход в честь св. преп. Серафима Саровского существовал в Рагозино с 1907-го по начало 1930-х гг. <https://pilgrim.pravorg.ru/2015/07/27/xram-sv-serafima-sarovskogo-s-ragozino-sedelnikovskogo-r-na/?ysclid=m150udt523187626956> (дата обращения 24.09.2024 г.).

⁵ Информация о носителях традиции содержится в Списке исполнителей.

В Седельниковском районе праздновали и отмечали следующие календарные праздники или особые временные периоды: Святки, включающие в себя празднование Рождества, Нового года и Крещения, Масленицу, завершающуюся Прощёным воскресеньем, Великий пост, во время которого отмечаются Сороки и Вербное воскресенье, Пасху и Радоницу, Троицу и троицкую родительскую субботу, день Ивана Купалы, Петров день, Ильин день. Летом при необходимости проводили моления о дожде, в надежде на прекращение летней засухи. Изредка фиксировались упоминания о таких праздниках, как Воздвижение или Покров. Проявления православного начала можно обнаружить не во всех из перечисленных календарных веях, в ряде случаев христианская составляющая сторона в календарно-обрядовой сфере практически отсутствует. К подобным, сугубо народным праздникам относится Масленица или день Ивана Купалы, в отмечании которых до сих пор прослеживаются рудименты древних, дохристианских обрядов. Далее более подробно будут рассмотрены именно те праздники, где совмещение православных и народных элементов присутствует наиболее ярко и показательно.

Святочный праздничный период. Рождество Христово

Накануне Рождества в Седельниковском районе, как и повсеместно, совершались поздравительные обходы домов односельчан, в процессе которых звучали рождественские песнопения (тропарь, кондак), а также тексты народного происхождения – колядки, щедровки, поздравления, благопожелания, шуточные угрозы. Обращает на себя внимание исполнение щедровки именно под праздник Рождества, поскольку подобные тексты, как правило, звучали в канун Нового года (по старому стилю). Вероятно, в рассматриваемой микролокальной традиции произошло некоторое смешение фольклорных жанров святочного периода, утрата их точной календарной приуроченности. Приведём далее рассказы самих носителей традиции⁶:

⁶ В расшифровке речи информантов мы старались воспроизвести все особенности их произношения, в котором явно присутствуют специфика белорусского языка.

$\text{♩} = 105-113$

Ра - но - ра - но́ ку - ры за - пе - ли. Свя - тый вз - - - чер!

А шой над ра - нней Ва - не - чка у - став. Свя - тый вз - - - чер!

Ва - не - чка у - став, зво - нком за - зво - нил. Свя - тый вз - - - чер!

Зво - нком за - зво - нил, бра - тков по - бу - дил. Свя - тый вз - - - чер!

Вста - ва - йте, бра - тки, по - е - дем в по - ле. В по - ле я - ро - во - е!

По - ка - ти па - шню, по - ка - ти зе - млю! Свя - тый вз - - - чар!

Пример 1. Колядка

Е.И.⁷: А в Рождество как поздравляли?

Барнюк Е.Г. Ну это вже, завтра коляды, а вже вечером ходили, вся молодежь, девочки, мальчики. Приходишь до ворот, до палисадника и кричишь: Пане-господари, можно вам песню спеть? Вот из окна и кричат: Можно! [поёт щедровку].

Зароди, Боже, жито-пшаницу. Нам дайте по пирожку.

Бярите ножа острога, нарежьте сала товстаго, Да дайте вси ковбасу, а то вашу хату растряску. Немного, немало, коб торбу не порвало.

После этого ритуального текста, содержащего требование вознаграждения и угрозу, если это требование не будет выполнено, исполнительница спела колядку (её текст, полностью нотированный, см. в примере 1⁸). Напев колядки имеет стиховую форму с рефреном «Святой вечер!», ритмоформулы смысловесных пятисложных слоговых групп – типичны для колядок (кроме первой строки, в которой отсутствует первый слог): Ладовая организация напева основана на мажорном гексахорде с субквартой.

Е.И. На Рождество пели «Рождество Твое, Христе Боже наш», церковную молитву?

Морозова Е.А.: Я была дявоночкой, а папа мой верил в Бога. <...> Так вот, он нас у Рождество ведеть по своих. И он сам запоёт, и мы все пели: [поёт рождественский тропарь (пример 2⁹)].

Приведённый ниже текст – фольклоризованный, т. е. бытующий в народно-исполнительской среде и изменяющийся в соответствии с закономерностями бытования фольклорных произведений, рождественский тропарь. Трансформации затрагивают как вербальный (*небо со звездой учухуся* вместо канонического *в нем бо звездой учухуся*, *Тебе видевше* вместо *Тебя ведети*; привнесение фонетических особенностей произношения текста, свойственных народной манере – *Рождество* вместо *Рождество*), так и музыкальный (в третьей и пятой строках нотного образца, в основе которого находится нижний партитурный голос четвёртого тропарного гласа, употребляемого в богослужебной практике, появляется заполнение скачков поступенным движением) уровни текста. Песнопение звучит не полностью (отсутствуют четвёртая и пятая строки канонического текста); очевидно, это обу-

⁷ Е.И. – участник экспедиции Е.И. Исмагиловой.

⁸ Коллекция А0241, № 824. Нотирование Е.И. Исмагиловой.

⁹ Коллекция А0242, № 930. Нотирование Е.И. Исмагиловой.

Пример 2. Фольклоризованный вариант рождественского тропаря

словлено его утратой из памяти исполнительницы, выучивший тропарь ещё в детстве, в 1920-е годы.

Е.И.: А пели «Рождество Твое»?

Участники фольклорного ансамбля с. Короленка, дополняя друг друга, отвечают: *У нас же пели! Я маленькая была. Сашкины ходили, Колька и Танька. Ходили по хатам. Ходили и взрослые, споконенько они так приходят. Им давали, я помню, как они к нам приходили. Раньше свою колбасу делали же, у всех была на Рожаство да на Паску. Да, ходили...*

Христианское происхождение празднуемого события несколько не мешало сельским девушкам проводить в эти особые, святочные дни гадания с целью узнать свою возможную судьбу на ближайший год и просто для весёлого совместного времяпрепровождения:

Е.И.: Рождество раньше праздновали?

Кеклевич Е.Н.: *Ну, праздновали, всю дорогу праздновали. Мы раньше бегали с дявчонками, валенки кидали через ворота. С курицей ворожили, перед зеркалом ворожили, на воск выливали. Бегали, дрова таскали. Кому выпадет их четное число – тот замуж выйдет в этом году. Обнимали бревна [дома, сарая], считали, сколько бревен.*

Матюкова М.Б.: *Бывало, да, валенки кидали,*

через вароты. Куды валенок, куда замуж пойдуть. Молодые. Ну мы ж были такие тоже, бало[ва]лись.

Пожилые женщины с большим теплом вспоминали об этих праздничных днях – времени относительного отдыха, перерыва в тяжёлых работах и весёлых молодёжных собраниях – вечерках, проводимых на Святках:

Кеклевич Е.Н.: *А если вот Рожаство, там две недели святых праздников, то каждый вечер ничё ня делали, день там что-нибудь делаешь – прядешь там, вяжешь, а вечером – уж Боже спаси, не работали, вечером уже гуляли, играли, вечерка, да.*

Примечательно, что информанты мало вспоминали о праздновании Нового года. Среди таких крайне немногочисленных упоминаний – рассказ Е.А. Морозовой о том, что на Старый Новый год ходили с *посеваниями*. При этом отношение к подобным действиям носит у исполнительницы достаточно осуждающий характер, как к какому-то несерьёзному делу:

Е.И.: Приходили ли посеять на Новый год?

Морозова Е.А.: *Которые выпить хотят (смеется). Яко шлы, принесли, и пшаницы... Что вы желаете? Дам выпить, только не делайте мне сору! Убирала, убирала... А оны, знаешь!... То из карману, то из карману! Сею-сею, посеваю,*

с Новым годом поздравляю! У новый год ходили. А новый год – старый год.

Завершает святочный период праздник **Крещения Господня**. Этот день, как правило, хорошо помнят, так же, как и действия, которые следует неукоснительно в него совершать. К ним относятся набирание воды в природных водоёмах и рисование крестиков над дверями. С начала 2000-х гг. воду в реке приезжает освящать священник. Однако же наши информанты верят в то, что вода в реке и в колодце в ночь на 19 января освящается сама, и участие представителей церкви здесь необязательно. Сохранилась также память о чисто народном обычае – ритуальном молчании, сопровождающем несение воды домой, а также уверенность в том, что воду, становящуюся в это время особенной – целебной, нужно набирать в реке затемно, ночью или рано утром, до восхода солнца.

Е.И.: В Крещение воду набираете?

Балашенко Н.З.: *Набираем. К нам приезжает поп на дярвеню. Разрубает мужик пролубь. И туды усе идуть и бяруть. А у нас больше всего ходили – до солнца. В пять, в шестым. Идешь и берешь. А теперь уже не понимают, весь день с флягами идуть!*

Е.И.: А эту воду раньше надо было молча домой нести?

Балашенко Н.З.: *Ее и сейчас надо молча нести. А у нас этого нет.*

Е.И.: Крестики ставили на Крещение?

Балашенко Н.З.: *Крестики ставят у нас. Мелом, а если нету мела, у меня нынче не было, так я угольком поставила.*

Е.И.: Как Вы думаете, для чего ставят эти крестики?

Балашенко Н.З.: *Ну, говорят, что надо. И ставят у нас там, иде мука стоит. И в бане. Всюду. Где одежда висит. На шифоньере, на печке. Чтоб Бог спасал. Так у нас. Я-то не знаю, так от людей слышала. Ну, ставят теперь уже усе.*

Кеклевич Е.Н.: *У нас, помню, церковь еще была, в Рагозине. На [реку] Уй ездили все. Это наши родители ездили. А сейчас делают крест [прорубь в форме креста]. Поп приезжает из Седельниково. А раньше, хошь и не було попа, мы всё ездили, да брали [воду], где-то же светят! Бог светит, в речке. И мы там напьёмся, и там будет святая. Ну, я всегда баночку [беру].*

Е.И.: А как воду набирали в Крещение?

Морозова Е.А.: *А на Крещение ездили в Рагозино, в наш храм. И еще на речку, рассекали крест. Рассякут крест, и у этого креста батюшка служил. И даже примечали: ежели лед потонет (народ найдет на лед), замочатся ноги – молочный год будет <смеется>. Ёрдань, да. В первый день воду брали. Не купались там. Была еще в Омске церковь. И добывали, привозили в бутылочке воду из Омска. Дети чьи-нибудь привозили своим родителям.*

Зафиксирован также рассказ об обычае опускать в колодец самодельные крестики, с помощью которых, как считали местные жители, вода в колодце также освящалась.

Е.И.: А здесь воду не набирали?

Морозова Е.А.: *Которы пойдут, прорубь рассекут, крестики сделают и набирают. Рано-рано. И это пилы. И которы в колодце крестички поделают, деревянные кресты, придут, еще никто не берет [воду], повыбрасывают, и тогда бярут оттуда. Тоже считали, что посвячена, вот.*

Отдельные носительницы традиции приводят народные названия дня перед днём Крещения – Бедная (т. е. постная) Коляда, а также информацию о том, что Крещению (так же, как и Рождеству) предшествует однодневный пост:

Морозова Е.А.: *Крещение – это мясоед. 13-е, 14-е – это Новый год называют. А Бедная Коляда – перед Крещением, постная. Мясоед – до самой Коляды. А у Коляду мама не даст есть [скоромного]. Каши наварит, с маслом конопляным, с сахаром ели.*

Кеклевич Е.Н.: *Перед Новым годом [по старому стилю] – Богатая Коляда, а перед Хрещеньем – Бедная. Я вот тую Коляду всегда постила, Бедную.*

О **Прощёном воскресении** и необходимости испрашивать в этот день прощения сохранились единичные упоминания. Иногда исполнительницы сетуют об утрате данной традиции:

Кеклевич Е.Н.: *Мне говорят: Прости меня! А я говорю: Бог простит, и я прощаю.*

Н.З. Балашенко: *Ну, у нас тут таких нету людей, чтобы, это, прощаться, это в Елизарове, там кержачьё... А наши, знаешь, какие...*

У самых старших информантов сохранились детские воспоминания о том, как родители приучали их поститься в **Великий пост** (1920–1930-е гг.):

Бахарева Н.И.: *Постили в семь годов, пости-*

ли... Вот у нас было много коров, мы всё это парно молоко с братиком. Мама подоила коров, мы... идём с кружечками, а она угольков бросила в молоко да говорит: Посмотрите, корова-то намарала молоко, посмотрите-ка, теперь будет молоко грязное... Вот когда Паска будет, тогда только... И мы поставили свои эти кружечки в буфет, даже ни разу не попросили.

Морозова Е.А.: А когда запостим, то мама наша уже до самой Пасхи ня даст... Ешьте, деточки, ешьте, там рыба или что, масло. Били масло свое, из семя льна толкли, из конопли выжимали масло. И вкусно было!

В настоящее время у жителей Седельниковского района отношение к постам разное, кто-то старается их соблюдать, кто-то, напротив, отвергает.

Е.И.: Перед Пасхой раньше в Великий пост постились?

Балашенко Н.З.: Я сама постилась, только нынче... Я усе посты постилась, я и у Филиповку постила, я и перед Пасхой семь недель... И нынче я постила пост большй. А вот Пятровку не змогла, только одну неделю последнюю постила. И сейчас опять должны быть, тут две недели¹⁰. Не знаю, смогу? А вот Пятровки было нынче пять недель.

Матюкова М.Б.: Постились, да-да. Пожилые люди. Но я не постила, буду душеньку свою морить! <смеется> Катя, Маша – тая всё, до Паски нечаво, кроме селёдчаны в рот не брали, да картошшаны. Картошку, сялёдку и масло растительно. Всё. Но я душеньку свою не морила. Что полагается, то есть надо. Ина едет Катя к нам в гости, если в пост, она свой хлеб вязеть. Свой ножик вязеть. Как ужо не согрешить. Да! То сало ж я режу ножиком. Айна свой вязеть.

Е.И.: Мама у Вас тоже старалась соблюдать пост?

Матюкова М.Б.: Да, да. Тоже постила. Они раньше все постили. Это мы – ня русские, не хрясти. Советские – это нехрясти. ... Говору, хватит, сястрица, напостились, нечаво было ести. У войну, говору, постили... А теперь, говору, ешь, что душа [желает]. За это ня грех, говору. И будем лжать мы с тобой в одной и той же могиле, чи ты постила, чи ты не постила.

Отдельные, наиболее осведомлённые исполни-

тельницы помнят о такой календарной дате, как Сороки (22 марта, память сорока мучеников Севастийских). В этот день вешали качели, качались и пели заклички. Число 40 упоминалось в пище – количестве галушек, которые нужно было готовить в этот день.

Кеклевич Е.Н.: Вот знаю, что 40 святых было. Маленькие были, дык качались. Повешают нам веревку, а потом положишь доску, и качались. И все пели:

А в нас сёдни сорока-сорока
Не ешь, пастух, молока-молока!
Оскоромисся – переломисся!
Да, сорок святых.

Морозова Е.А.: Это бывает вперёд Пасхи. Смеялись: надо 40 галушек поест, да надо 40 галушек сварить <смеется>.

Перед **Вербным Воскресеньем** традиционно ломали вербу. О каких-либо ритуалах с вербными ветками информанты не вспомнили.

Кеклевич Е.Н.: Перед Вербным Воскресеньем, у субботу ломают вербу. Вербно Воскресенье всегда бувае в воскресенье. Оно никогда не бувае там пятница или суббота.

Большое количество рассказов записано о праздновании главного православного праздника – **Пасхи**. Среди них преобладает информация о пасхальных поздравительных обходах, широко распространённых в Белоруссии, откуда приехали родители большинства носителей местной традиции.

Матюкова М.Б.: [после пения тропаря «Христос воскрес»] Пели это на Паску, на Паску. Мы усим табуном ходили. <смеется> Красиво так идем, всей шайкой: Наташка, я, Ирка. Коля дома – Коля з нами, Васька з нами. Своей роднёй ходили. Мы знаешь как весело, вот Ирка была живая! Вот уже я збираю на стол, я печь топила, я всегда пекла, усё пекла. Звоню: Ирка, айда к нам. Ну, мы в нас соберёмся, посядим маленько. Ну, пойдёмте до мамки. Идём по дяревне, с песнями, уже градусы ужо пошли по голове. <смеётся> Всех на ноги поставим!

Бахарева Н.И. В Паску... ходили. Свои токо вот ходили... в своей деревне, по своим... А которые бедны были люди, жили, дак оне ездили в чужу деревню, пели... чтоб подавали.

Далее исполнительница поёт пасхальный тро-

¹⁰ Имеется в виду Успенский пост, 14-27 августа.

Пример 3. Фольклоризованный вариант пасхального тропаря

Пример 4. Волочebная песня

парь (см. пример 3¹¹). В нём, как и в рождественском тропаре, заметна опора на нижний голос четырёхголосной партитуры, исполняемой в храме (в данном случае это внегласовый напев, с которым звучит пасхальный тропарь). Отличия заключаются в появлении интонации опевания в конце первой фразы (вокруг звука *a*) и в начале третьей фразы, начинающейся с *h*, а не с *a*, как в письменном каноническом первоисточнике. О бытовании в фольклорной традиции свидетельствуют также особенности произнесения текста: *мёртвых* вместо *мертвых*, *сущи* вместо *суших*, *во гробе* вместо *во гробех*. Характерно, что исполнительница называет песнопение песней – это народное обозначение также свидетельствует о принятии текста тропаря в фольклорную традицию.

Е.И.: На Пасху ходили, поздравляли по деревне?

Кеклевич Е.Н.: *Мы не поздравляли, бегали, чтобы кто-нибудь яичко дал, то, сё собирали. А что говорили? Христос воскрес!*

Е.И.: А можете вспомнить, как это пелось?

Е.Н. Кеклевич: *А что, это надо?* [поёт пасхальный тропарь]. *Вот так, несколько раз. Пасху праздновали три дня. Как это называлось? Просто песенка. Но пелось на Пасху. Можно было и больше петь, целую неделю.*

Барнюк Е.Г.: *Ходили две бабы, они пели так, и корзинка у них была. И полная корзинка яиц у них*

была. Вот были старухи, поумирали, они ходили как раз утром рано и пели. Ну а так ходили и пели «Христос воскреся». Сейчас на кладбище поют, на Радоницу. Пели это раньше, и сейчас поют у церкви. Вот, бывало, мой отец пел, ночью. Раньше никто свет не тушил в избах на Пасху. И вот идём из конца... Ну, встречаемся, они с одной стороны, мы – с другой. И поём. А потом уже вот и похристосуемся, поцелуемся. Всё, пошли разговестись домой. Это рано утречком.

В процессе рассказа исполнительница напевает фрагмент волочebной песни (см. пример 4¹²). Её напев традиционен для песен этого жанра: для него характерна стиховая форма из двух или трёх построений (в данном случае, без рефрена), колячковая ритмоформула, мелодическая линия разворачивается на основе квартового лада с субквартой.

Народные пасхальные обходы домов по своей сути являются волочebными обрядами, совершаемыми разновозрастными группами сельчан с целью благопожелания семьям и воздействия на плодородные силы пробуждающейся природы. Церковные песнопения (кроме тропаря могли также исполняться пасхальные ирмосы) оказались «вставленными» в древний земледельческий обряд.

Интересно, что, не имея возможности освятить пасхальные блюда (кулич, яйца) в храме, носители традиции, по аналогии с водой на Крещение (кото-

¹¹ Коллекция А0242, № 834. Нотирование Н.В. Леоновой.

¹² Коллекция А0241, № 823. Нотирование Е.И. Исмагиловой.

рая по их представлениям освящается в этот день сама) верили, что и пасхальное угощение освящается само, непосредственно от Бога.

Е.И.: На Пасху по домам ходили, пели «Христос воскрес»?

Морозова Е.А.: *Праздновали Пасху. Посвисчать – не ездили. В сеточку покладём, повешаем у Пасху на ночь, повешаем, привяжем. И висить это усё до утра, берем и разговляемся. Это посвичоно. Бог посвисчал! Бог посвисчал Пасху и наше посвисчал...*

Существовал также обычай украшать иконы к Пасхе пихтами:

Кеклевич Е.Н.: *Пихту торкали где-куда, у хате. К иконам торкали обязательно. Ну, я сейчас не торкаю. Это же надо торкать, лезть. Потом надо же убирать, кидать. До Вознесенья, шесть недель, потом же пихту убирать на речку куда-нибудь, где вода.*

Встретив Пасху, через девять дней народ устремлялся на кладбища, поделиться пасхальной радостью с усопшими. Во время поминок на могилах исполнялся пасхальный тропарь и плачи-причитания по умершим родственникам.

Кеклевич Е.Н.: *Там же после Пасхи, неделю проживешь – Радоница. Целую неделю христосовались. Яички катали по могилке. На крестик положим. Такие дела... На кладбище тоже пели «Христос воскрес».*

Матюкова М.Б.: *Самый поминный день в Радуницу. В Троицу вжо это так идуть, напиться. А самый поминный день в Радуницу.*

Е.И.: А расскажите, как поминают?

Матюкова М.Б.: *Ну как поминают. Ну всё бяром из дома и идем, поминаем на кладбище. Яичек накрасим, в Пасху, в Радуницу. В Троицу белая. Поплачу, поголошу, похожу по могилам. По Ирке, я по Ирке всё... По Нюре я голосила.*

Е.И.: А молитвы не читали на кладбище?

Матюкова М.Б.: *А кто будет читать? Ну, читала, Катя наша читала, сестра моя. Ооой, она так отпевала! И по книжке, и без книжки! Что с пулемета, так читала. Так она натренировалась.*

Местные жительницы, пусть и не так массово, как Радоницу, стараются отмечать и другие родительские дни, например, Троицкую родительскую субботу. С этими установленными церковью днями памяти усопших практически слился древний белорусско-

украинский обряд *кормления Дядов*. Согласно народным верованиям в дни *Дядов* души умерших родственников сами приходят домой на поминальный ужин (в отличие от поминания их на кладбище на Радоницу и перед Троицей). Особенно распространённым является поминание родственников в Димитриевскую родительскую субботу¹³.

Кеклевич Е.Н. *Родительские дни – их много бывает. Это по календарю надо смотреть. Дядов я вже ня помню... Собярет бабушка, поужинают, на столе до утра все остается. Считалось, что дяды наши должны прийти ужинать. Покровские бывают Дяды, Дмитриевские. Летом не бывает. Зимой – это надо по календарю [смотреть].*

Е.И.: А что такое «Дяды»?

Балашенко Н.З.: Это вот поминальная родительская суббота, здесь в Короленке называли ее Дядами. А у нас – поминальная суббота, так и называлась.

Праздник **Троицы** в годы молодости исполнительниц, пришедшихся на середину XX века, отмечали массово и радостно. С богослужебной практикой в описываемой микролокальной традиции народное празднование Троицы связывает только календарный период (конец весны – начало лета) и само название. По существу же это был праздник девичьих игр, гаданий на венках, украшения двора молодыми берёзками. Таким образом, в народном праздновании Троицы в XX столетии преобладает развлекательная и коммуникативная функции. В памяти исполнителей сохранилось и белорусско-украинское название – *май*, т. е. свежая зеленая листва и трава – необходимые предметные атрибуты этого праздника.

Е.И.: А саму Троицу как-то праздновали?

Матюкова М.Б.: *Ну нявжели ня праздновали?!*

Е.И.: А цветы на Троицу собирали?

Матюкова М.Б.: *Да.*

Е.И.: Дом березами украшали?

Матюкова М.Б.: *Теперь уже нету такой моды.*

Е.И.: А раньше как?

Матюкова М.Б.: *Оооой, раньше как було! Мы в мамы жили. Наставим у воротах бяроз, з леса сходим, нарубим, ставим у воротах, нарвем маю этого, наломаем ета, наторкаем у хате! Это май, май!*

¹³ Суббота перед 8 ноября.

Пихту к Пасхе торкают, а это уже май, это к Троице. А теперь этого нету, не делают, як раньше.

Е.И.: А долго стояли березы в воротах?

Матюкова М.Б.: *Неделю.*

Н.Л.¹⁴: А кто приносил эти березы?

Матюкова М.Б.: *Девки, у нас только девки были. Они шли в лес, рубили топором и носили домой березы. Три бярозы. Одна где столб, другая где столб, и третья – где калитка.*

Кеклевич Е.Н.: *На Троицу девки венки плели, пускали по воде. Парни ловили венки, кто поймает венок, за того замуж пойдешь.*

Во время летней жары и засухи (в июне-июле) крестьяне вместе со священником (до начала 1930-х гг.) совершали крестные ходы с молебном о дожде, обходя при этом поля с посевами. В процессе таких обходов пелись краткие молитвы, обращения к Богородице и почитаемому в данной местности Серафиму Саровскому.

Морозова Е.А.: *И батюшка сам идёт, да! Это, знаешь, это от засухи. А то проносили, под вакно ставили, протосеи¹⁵. Протосеи называется... Икона, Иисус Христос там. В церкви. И там кутасики¹⁶ низу. И на... на вспорке стоит икона эта. Девки нясут иконы, это в субботу Троишную носили. Да, у Троишную. Но это редко было. Потому что мы далеко, мы семь километров жили от церкви. ... Одни деуки носили [иконы] от засухи. А вот хлопцы носили – это протосеи. И кутасики нацеплены на низу. А так же пели мы вдвоем, втроем, один тянет кверху – красиво! И иконы носили, носили иконы с церкви. Да, с рагозинской церкви девки наберут икон. Ну, мы маловаты еще были, мы только вслед ходили, мы таки подростки были. А девки... нясут иконы, большая икона, двух [двое] нясут, и пели: Прасвятая Богородице, спаси нас! [поет] Ни хватае голоса... Прападобный Серафим, моли Боже нас!*

От нашей старейшей информантки, Натальи Иннокентьевны Бахарева¹⁷ были записаны сведения о старинном народном обычае ткать обыденное по-

лотно, предпринимаемом также с целью повлиять на погоду, вымолить с помощью выполнения этого обета – коллективного тканья полотна – дождь. Куделю (материал для тканья) собирали по всей деревне, и затем женщины ткали его по очереди в течение одного дня. В церкви тем временем служили молебен о дожде. Вытканый холст жертвовали потом в храм:

Бахарева Н.И. *Вот у нас када дожда нету, вот собирают обудёнку, старухи собираются и молодые, и молодёжь, девчонок, и собираются, значит, где собратся имя. И этих девчонок пошлют по деревне: у кого осталась куделя какая, они соберут эту куделю, тащут и тут уж и прялки... И тут и ткут, и прядут, обыдённа, холс выткнут и тада с этим холстом идут в церкву; из церкви берут попа, там отслужат службу, идут на речку, этот холст намочут и этой холстиной закрываются мокрой – дожда просят. ... А потом отдадут его в церкву.*

О других календарных праздниках и датах с конца лета и до Нового года помнят не все носительницы традиции. По всей вероятности, отмечание данных праздников не было массовым и ограничивалось их упоминанием, а также народными приметами и поговорками, посвящёнными этим датам. Петров или Ильин день часто служил календарной вехой для начала покоса. Названия других церковных праздников получили в народной традиции своё толкование и также служили вехами для начала или, чаще, окончания сезонных работ в поле или огороде.

Е.И.: А Петров день как-то отмечали?

Матюкова М.Б.: *Петрок – отщипнет листок! Не-а [не отмечали]. Это вже всё, венки не вяжут, всё. До Пятра шоб венки навязать. А вже Петро отойшло, Петрок – отщипнет листок, всё, нельзя вязать.*

Е.И.: А покос начинался когда?

Матюкова М.Б.: *Вот как раз покос начинается.*

Кеклевич Е.Н.: *Петров день помнили, отмечали. Покос начинался с Ильина дня (2 августа). Он такой грозный, нельзя на его работать. Гроза бывает в этот день, людей убивает... 14-е августа – Макавей – вилочек завей, на капусту. На мед в этот день к дедушке бегали. 21-е сентября –*

¹⁴ Н.Л. – участник экспедиции Н.В. Леонова.

¹⁵ Вероятно, имеются в виду хоругви.

¹⁶ Кутасики – ленточки (белорус.)

¹⁷ На момент беседы ей было 96 лет.

*Прачистая*¹⁸. Это чтоб уже всё убрать с огорода, чтоб в огороде всё уже было чисто. 27-е сентября – Здвижение¹⁹. Ну тоже, чтобы уже с огорода сдвинуться. Покров. Это уже к зиме готовятся. Раньше все помаленьку отмечали.

Рассмотрев особенности календаря, сложившегося в народно-исполнительской практике жителей Седельниковского района Омской области, можно сделать вывод об органичном, непротиворечивом сосуществовании в нём элементов из разных мировоззренческих и культурных традиций, народной и православной (что характерно и для славянской календарной системы в целом). В ряде случаев христианское наполнение праздника или обряда присутствует более ярко и очевидно (Рождество, Пасха, молебны от засухи), во многом благодаря исполнению в эти дни или моменты церковных песнопений.

Примечательно, что в составе действий, предметных реалий того или иного праздника не особенно ярко проявляется этническая принадлежность информантов, среди которых есть белорусы и русские. Единообразен состав основных православных песнопений: так, все исполнительницы знают рождественский и пасхальный тропари, в то время как фольклорные песни Рождества и Пасхи воспроизводятся не всеми носителями традиции. Показательно, что в святочном цикле праздничной доминантой стало Рождество, когда наряду с тропарем поются не только колядки, но и щедровки, которые чаще связаны с Васильевым днем, т. е. с новым годом праздником. Из собственно новогодних феноменов упоминаются только *посеванья*.

Музыкальный облик православных песнопений, за редкими исключениями, максимально приближен к каноническим церковным образцам. Это удивительно, поскольку в рассказах старшей группы информантов (1910–1920-х годов рождения) речь идёт об их детских впечатлениях, которые были получены в разных, хотя и близко расположенных, деревнях. Наблюдаемое «выравнивание» музыкального стиля православных песнопений, как и единообразие описываемых информантами «сценариев» календарных праздников, вероятно,

связано с централизующей ролью церковного прихода в Рагозино в прошлом и активизацией данного процесса на протяжении последних трёх десятилетий восстановления в России богослужебной деятельности.

Обозначенная целостность, сплав из разных, дополняющих друг друга элементов сообщала народному календарю поразительную жизнеспособность, позволившую ему существовать вплоть до начала XXI века, несмотря на все перипетии, постигшие традиционную культуру в течение прошедшего столетия.

В настоящее время сфера календарных праздников – уникальный и необычайно колоритный пласт традиционной культуры, который стремительно уходит вместе со своими носителями и фактически близок к исчезновению. Тем актуальнее его подробная фиксация, глубокое и объективное изучение и, в особенности, точная публикация, необходимая как для исследователей, так и для новых поколений исполнителей фольклора.

Список исполнителей

Балашенко Наталья Захаровна, белоруска, 1927 г.р. (род. в д. Петропавловка Седельниковского района).

Барнюк (Ширякова) Екатерина Григорьевна, белоруска, 1926 г.р. (род. д. Короленка Седельниковского района).

Бахарева Наталья Иннокентьевна, русская, 1913 г.р. (род. в д. Рагозино Седельниковского района; родители местные).

Кеклевич (Воробьева) Екатерина Никитична, белоруска, 1932 г.р. (род. в д. Щелкановка Седельниковского района; родители приехали «с России»).

Матюкова Мария Борисовна, белоруска, 1941 г.р. (род. в д. Щелкановка Седельниковского района, деда приехали из Белоруссии).

Морозова Евдокия Алексеевна, белоруска, 1922 г.р. (род. в д. Щелкановка Седельниковского района; родители с 1894 г.р., в детстве их привезли из Белоруссии).

¹⁸ 21 сентября – Рождество Богородицы.

¹⁹ Такое название в народной традиции получил праздник Воздвижения Креста Господня.

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Бековец И.К. Репертуар Евдокии Алексеевны Морозовой // Народная культура Сибири: материалы XXI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 216–220.
- 2/ Емельянова Н.А., Феоктистова И.К. Итоги фольклорной экспедиции ОмГУ в село Кейзес Седельниковского района Омской области: сохранность традиции, жанровый состав бытующих произведений // Народная культура Сибири: материалы XXI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 206–210.
- 3/ Жимулева Е.И. Народное православие и музыкальный фольклор // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Сибирское музыкознание: актуальные аспекты исследования». 2006. № 100. Декабрь. Томск, 2006. С. 53–62.
- 4/ Жимулева Е.И. Православная и фольклорная певческие традиции: проблемы взаимодействия: дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2008. 258 с.
- 5/ Золотова Т.Н. Традиционная культура белорусских переселенцев Седельниковского района Омской области: полевая методика и вопросы презентации материала // Народная культура Сибири: материалы XX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. С. 209–215.
- 6/ Исмагилова Е.И. Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования / Отв. ред. Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука, 2021. 240 с.
- 7/ Малахова Е.П. «Масленка» потомков белорусских переселенцев Седельниковского района Омской области // Народная культура Сибири: материалы XXV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 179–184.
- 8/ Малахова Е.П. Похоронные причитания потомков белорусских переселенцев в контексте семейных отношений // Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. С. 485–512. (Памятники фольклора

народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

- 9/ Малахова Е.П. Фольклор сибирско-белорусской семьи в смене ее поколений (конец XIX–XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2008. 186 с.

- 10/ Мясникова С.А. Народный календарь в колхозной деревне (на примере зимних праздников): по материалам экспедиции в Седельниковский район // Народная культура Сибири: материалы XXII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 235–239.

- 11/ Подрезова С.В. «Кричать Христа»: Пасхальный тропарь в русской фольклорной традиции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 510 с.: нот., ил.

- 12/ Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

REFERENCES

- 1/ Bekovets, I.K. (2012), "Repertoire of Evdokia Alekseevna Morozova", Narodnaya kultura Sibiri: materialy XXI nauchno-prakticheskogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk culture of Siberia: materials of the XXI scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore], Omsk, pp. 216–220. (In Russ.)
- 2/ Emelyanova, N.A., Feoktistova I.K. (2012), "Results of the Omsk State University folklore expedition to the village of Keizes, Sedelnikovskiy district, Omsk region: preservation of tradition, genre composition of existing works", Narodnaya kultura Sibiri: materialy XXI nauchno-prakticheskogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk culture of Siberia: materials of the XXI scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore], Omsk, pp. 206–210. (In Russ.)
- 3/ Zhimuleva, E.I. (2006), "Folk Orthodoxy and musical folklore", Bulletin of Tomsk State University [Bulletin of operational scientific information "Siberian musicology: current aspects of research"], Vol. 100, December, pp. 53–62. (In Russ.)
- 4/ Zhimuleva, E.I. (2008), "Pravoslavnaya i fol'klornaya

pevcheskie traditsii: problemy vzaimodeistviya" [Orthodox and folklore singing traditions: problems of interaction], Cand. Sc. Thesis, Novosibirsk, 258 p. (In Russ.)

5/ Zolotova, T.N. (2011), "Traditional culture of Belarusian settlers of the Sedelnikovskiy district of the Omsk region: field methodology and issues of presentation of the material", *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XX nauchno-prakticheskogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the XX scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore], Omsk, pp. 209–215. (In Russ.)

6/ Ismagilova, E.I. (2021), *Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornykh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya* [Orthodox chants in folklore traditions of Siberian existence], Nauka, Novosibirsk, 240 p. (In Russ.)

7/ Malakhova, E.P. (2017), "Mastelka" of the descendants of Belarusian settlers of the Sedelnikovskiy district of the Omsk region", *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XXV nauchno-prakticheskogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the XXV scientific and practical seminar of the Siberian regional university center on folklore]. Omsk, pp. 179–184. (In Russ.)

8/ Malakhova, E.P. (2011), "Funeral lamentations of the descendants of Belarusian settlers in the context of family relations", *Fol'klor belorussov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' 1: Semeino-obryadovye pesni i prichitaniya* [Folklore of Belarusians of Siberia and the Far East. Part 1: Family ritual songs and lamentations], Nauka, Novosibirsk, pp. 485–512. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 31). (In Russ.)

9/ Malakhova, E.P. (2008), "Fol'klor sibirsko-belorusskoi sem'i v smene ee pokolenii (konets XIX–XXI vv.)" [Folklore of the Siberian-Belarusian family in the change of its generations (late XIX–XXI centuries)]: Cand. Sc. Thesis, Omsk, 2008. 186 p. (In Russ.)

10/ Myasnikova, S.A. (2014), 'Folk calendar in a collective farm village (using the example of winter holidays): based

on materials from an expedition to the Sedelnikovskiy district", *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XXII nauchno-prakticheskogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the XXII scientific and practical seminar of the Siberian regional university center on folklore], [Folk culture of Siberia: materials of the XXII scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore], Omsk, pp. 235–239. (In Russ.)

11/ Podrezova, S.V. (2021), «Krichat' Khrista»: Paskhal'nyi tropar' v russkoi fol'klornoj traditsii ["Crying out Christ": Easter troparion in the Russian folklore tradition], Publishing house of the European University, St. Petersburg, 510 p. (In Russ.)

12/ Tolstaya, S.M. (2015), *Obraz mira v tekste i rituale* [The image of the world in text and ritual], Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, Moscow, 528 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Екатерина Игоревна Исмагилова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии, Сибирское отделение Российской академии наук
E-mail: zhimul@inbox.ru

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки.

E-mail: nleonova53@mail.ru

Authors information

Catherine Ig. Ismagilova, Cand. Sc. (Art Criticism), Senior Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: zhimul@inbox.ru

Natalia V.L. Leonova, Cand. Sc. (Art Criticism), Professor at the Department of Ethnomusicology, Glinka Novosibirsk State Conservatoire

E-mail: nleonova53@mail.ru